Она шла, перепрыгивая через грязевые потоки, струящиеся сквозь пожелтевшую траву и стекающие в глубокие выбоины от деревянных колес и лошадиных копыт на дороге. Деревушка пряталась средь густого смешанного леса, окруженного с востока и с запада горными хребтами. Эта местность помимо всего прочего славилась своей сыростью – туманы спускались с горных вершин, лесная река то и дело разливалась по весне и по осени. Засушливое лето не приносило долгожданных ветров и солнечных лучей – опоясанная горным массивом окрестность утопала во влажной дымке.

Вдоль проездной дороги проглядывалось около десятка покосившихся домишек. В сумеречном мраке свет в окнах был единственным доказательством того, что это не деревня призраков. Под вечер на улице редко можно было встретить местных жителей. Если они не укрывали сено перед дождем, то ютились за ужином в своих жилищах. Домашний скот и птицу тоже прятали под замком, поскольку до леса рукой подать, а ночью свирепствуют дикие звери.

Юй Чжи плечом толкнула деревянную дверь, раздался протяжный заунывный скрип.

Ифу сидел в полумраке, подрезая фитиль – мгновение и лампа разгорелась, озаряя комнату теплым золотым свечением. На столе перед ним были разложены разного размера мешочки, небольшие связки трав и горстка семян, которые он как раз перебирал.

Заслышав дверной скрип, старик медленно повернулся в сторону источника звука. Взгляд его был невозмутим, эмоции на лице не читались – сложности в распознавании его мимики добавляла и густая седая борода, которая скрывала пол лица. Ясно мерцали только глаза цвета ночного неба, казалось, что в них сокрыта тайна мироздания. Настолько глубоким и проницательным всегда был его взгляд. Его длинные белые волосы небрежно спадали на спину, они были собраны в высокий пучок лишь частично – со лба и висков. Но выглядел этот пучок так, словно его не перевязывали несколько дней. Ифу был одет в простую мешковину, затянутую жгутом на талии, и выглядел, точно неопрятный монах. На поясе вечно болталась пара мешочков с различными семенами растений, которые он собирал в предгорье.

Он был неплохим знатоком народной медицины, хоть и не врачевал открыто, но как сумасшедший алхимик практиковал свои эксперименты, надолго уединяясь высоко в горах.

Сложно было описать взаимоотношения жителей деревни с этим господином. Все они в тайне его за что-то ненавидели. Возмущались, якобы он не приносит пользы обществу.

Поскольку до ближайшего города дорога занимала не менее суток на лошади, а лошади здесь были далеко не у каждой семьи, да еще и приходилось выезжать ни свет ни заря, чтобы преодолеть широкую лесополосу до темноты, иначе рискуешь стать ужином для диких зверей – они даже здоровой лошади не гнушаются, не оставляя копыт после трапезы - люди в деревушке привыкли жить обменом. А обмен означает, что каждый житель обязан приносить пользу и заниматься своим ремеслом.

Кто снабжает жителей мясом, разводя скотину и птиц, кто выращивает овощи, кто шьет и латает одежду и прочее. Все жители знают, что Ифу сведущ в целительском мастерстве и разбирается в травах, но по неведомой никому причине наотрез отказывается принимать страждущих. Да и вообще общаться с людьми у него нет никакого желания.

В народе он прослыл «тот старик, что месяцами пропадает в горах» или «старик-отшельник».

Что касается Юй Чжи, то она и вовсе считается обузой для всех только потому, что существует и дышит тем же воздухом. Правда признаться, есть еще одна немаловажная причина – у Юй Чжи с самого детства перебинтованы предплечья. Никто ни разу не видел ее без бинтов,

отчего люди начали придумывать невообразимые сплетни, например: проказа, неизлечимая заразная болезнь, распространение которой только Ифу по силам сдерживать, из-за чего он уходит подолгу в горы и ищет спасительное противоядие.

А самым ужасающим слухом была версия о том, что над несчастной девочкой в детстве жестоко издевались, наказывая ребенка огнем.

Ни для кого не секрет, что Ифу выиграл ее в партию чатуранги у одного прожженного выпивохи, когда Юй Чжи было всего девять лет, так что в деревне малышка появилась уже с бинтами на руках.

(Чатуранга – древняя настольная игра по типу современных шахмат).

Прямо с порога Юй Чжи нервно затараторила, заикаясь – Ифу! Я была… тут… у меня тут яблоко для тебя. Представляешь, пришлось забраться на самую верхушку деревенской яблони!

Это была вопиющая ложь. Достаточно было и беглого взгляда на фрукт, чтобы Ифу распознал очевидную разницу в сорте. Деревенская яблоня каждый год была густо увешана плодами, но ее невзрачные мелкие яблочки не шли ни в какое сравнение с этим бордовым гигантом.

- Я ухожу – Ифу рассортировал семена и травы по мешочкам и медленно поднялся со скамьи.

- Но ты же только пришел – недоуменно вскинула брови Юй Чжи.

- Я слишком увлекся, собирая каштаны для тебя, и совсем позабыл о собственных хлопотах – старик деланно развел руки в стороны, затем указал на мешочек с каштанами возле кровати – ужинать будешь одна – его голос еще не успел стихнуть, а входная дверь уже захлопнулась.

Девушка так и стояла на одном месте в слабоосвещенной комнате. Ее длинная тень раскачивалась на стене, увлеченная жарким танцем горящей свечи.

Юй Чжи развернулась на пятках и пытливым взором просканировала обстановку. Не самая широкая кровать у восточной стены, не самое большое окно на западной стене, у окна деревянный стол, длинная скамья под ним. На севере – печь, рядом с печью дверь. Дверь в кабинет Ифу!

- Так и знала, что заперта! – девушка толкала и тянула дверь на себя – Нет, не поддается.

Юй Чжи с одного прыжка залетела на кровать и тотчас выгнулась дугой, издав пронзительный вопль. Запрыгивать на кровать – плохая привычка, но для девушки, за долгие годы сна на толстенных матрасах, которые имеют зимнюю мягкую сторону и летнюю жесткую, этот маневр стал своеобразным ритуалом. Ведь даже летняя сторона жесткой только называлась, на деле же была пушистой, как облачко.

Пролежав несколько минут, свернувшись в клубок, Юй Чжи, тягостно вздохнув, потерла отбитый копчик и села, свесив ноги.

Она стянула обувь и принялась разминать пальцами гудящие подушечки на стопе – Здесь не помешали бы мои аэрмаксы.

(Аэрмаксы – кроссовки Nike Airmax).

- И что меня теперь ждет? – вслух размышляла Юй Чжи.

- Стоило больше времени уделять роману. Лень всему виной!

http://tl.rulate.ru/book/24701/514952